

УДК 81'42:811. 111:81'25

Н. Л. Королёва

КОНЦЕПТ "МОРАЛЬ" КАК БАЗОВАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

Целесообразность внедрения положений научно-теоретической парадигмы современной лингвистики в прикладные аспекты языкознания, их использования в практике перевода и методике преподавания иностранных языков, не вызывает сомнений. Чрезвычайно важным было и остаётся изучение языка в плане его взаимосвязи с культурой, ментальностью, традициями определенного народа [1]. Эта взаимосвязь выдвигает на первый план такие востребованные и популярные объекты научного рассмотрения, как концепты, выступающие в качестве базовых единиц национально-культурного самосознания [2, 3]. Характеристики концептуальной картины мира должны рассматриваться в непосредственной связи с культурологическими реалиями того народа, язык которого изучается.

С одной стороны, следует чётко разграничивать сугубо лингвистические характеристики языковых единиц от внеязыковых данных, с другой — невозможно полностью абстрагироваться ни на лексическом уровне, ни в отношении грамматических и стилистических явлений от знаний и представлений носителей языка, которые в своей речи используют языковые единицы в опоре на сложившуюся в их социуме систему культурно-исторических и моральных предпосылок [4]. Данные факторы всегда находят своё отражение в различного вида коммуникативных ситуациях в качестве норм, предписаний и оценок, в целом составляющих систему *морали*.

Представление о морали всегда опиралось на представления о правилах поведения, сформировавшихся на базе определенных культурных ценностей, т. е. на определенную традициями и культурой картину мира [10]. Следовательно, представление может и должно быть выражено в виде концепта, который является содержательной единицей общей картины мира, отражённой в сознании индивида. По мнению большинства ученых, концепт, являющийся ментальной единицей, служит основой синтетного исследования языка и культуры. Человеческое сознание в данном случае играет роль посредника между культурой и языком, а концепт связывает воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, а так как он принадлежит сознанию, то детерминруется культурой и опредмечивается в языке [4: 9, 2, 5]. В своей работе мы рассматриваем концепт "мораль", как некую абстрактную сущность [6: 96], за которой стоят явления духовного мира человека, его духовной жизни, почти недоступной внешним наблюдениям. Мы получаем сведения о морали не из реального мира, а из её представления в языке. Смоделированный в языке концепт даёт почти объективное знание о способе существования рассматриваемой абстрактной сущности в языковом сознании социума.

Обоснованно осознавая необходимость существования общих стандартов и правил поведения, так называемой "универсальной морали" — характерной для большинства наций и социальных групп (это относится к родственным отношениям, к философским рассуждениям о добре и зле), каждый человек в то же время отдаёт себе отчёт, что у каждого сообщества существует "своя, национально и социально окрашенная" мораль, имеющая определённую специфику и отличающаяся от других.

Концептуальная область, представляющая мораль, является некой когнитивной структурой знания, опирающейся на различные

участки значений, среди которых основными семантическими единицами являются *добро, зло, хорошо, плохо, долг, поведение, моральные стандарты и моральные принципы*. Они помогают описать понятийную область морали, включающую исторически и территориально сложившиеся идеалы и принципы поведения людей в обществе, характеризующие широкий спектр явлений духовного мира человека или целого сообщества.

Образование определённой концептуальной области, опирающейся на картину мира того или иного сообщества, этноса и т. п., требует для декодирования и понимания концепта существования определённого сценария, в основе которого лежит типизированная ситуация, общепринятая в данном социуме. Если согласиться с тем, что язык — не столько форма выражения готовых мыслей, сколько способ представления содержательной организации и представления знаний, то знание о том, что такое хорошо и что такое плохо, следует признать относящимся к лингвистике. В этой связи представляет интерес вопрос о том, каким образом структурированы прагматические знания в языке, насколько различны по своему устройству виды модальных, оценочных и других значений. Язык морали имеет свои специфические свойства, свою грамматику, отражающие особую ментальность, особое мировоззрение и особую картину мира, которая предполагает тот факт, что рассматриваемый концепт соотносим с национально-культурной спецификой речи, особым ментальным миром и особым ментальным пространством, называемым дискурсом. Если предположить, что у каждой нации существует свой специфический язык морали, а также определённая концептуальная область, объединяющая участки значений, составляющих мораль, то вышеизложенное определение дискурса даёт нам основание выдвинуть гипотезу о существовании понятия "моральный дискурс", который представляет собой определённое ментальное пространство, которое строится согласно правилам языка морали данного народа и формируется вокруг концепта "мораль", обладающего сугубо национальными характеристиками. С нашей точки зрения привлечение рассматриваемого концепта к методике преподавания иностранного языка должно строиться на изучении: 1) культурологических и страноведческих источников, таких как публицистическая, научно-популярная литература — в целях получения обобщённых характеристик рассматриваемого концепта; 2) художественной классической литературы в ходе занятий по домашнему

чтению — для формирования представления о моральном дискурсе в системе изучаемого языка. В обоих случаях следует обращать внимание обучающихся на лексикографические источники, особенно на идеографические и культурологические словари.

Первый предлагаемый аспект изучения концепта "мораль" позволяет представить его в виде образования с гештальтной структурой и обуславливает его членение на три основных сектора: 1) *moral categories*, представляющие основные категории морального сознания (*Good, Evil, Duty, Shame, Conscience, Honour, Dignity, Love, Hate, Friendship, Freedom, Responsibility, Happiness, Virtue*), служащие для выражения различных сторон нравственного отношения человека к действительности; 2) *moral qualities* — сектор аксиологического обозначения моральных качеств (*good, bad, just, honest*); 3) *moral prescriptions* — моральные предписания (*one ought (to), one should, necessary, be allowed; be permitted, be forbidden/prohibited, be obligatory*). Следует отметить, что распределенные по секторам лексические единицы в своем большинстве имеют определенный тип грамматического выражения. Для анализа рассматриваемого концепта мы использовали страноведческую литературу и публицистику, содержащую информацию о рассматриваемом явлении, накопленную в англоязычной культуре к концу XX века [7; 8].

Во втором аспекте на первый план выдвигается изучение тем морального дискурса, который является нормативным способом регуляции деятельности людей в обществе. Способ выражения морального дискурса состоит в употреблении речевых актов: "рассуждение" и "требование" (выступающее в виде заповеди, правила или запрета) с различной степенью модальной окраски, корректная трактовка которой может вызвать затруднение у представителей других культур.

Например, способом проявления морального дискурса может являться санкция относительно совершенного поступка. Она несёт на себе печать обоснованности, снятия субъективистских настроений и отказа от немотивированных эмоциональных реакций:

It is not fair, Monsieur le directeur. You are asking me to betray my friend. I cannot, and I will not answer your questions.

В моральном дискурсе способ выражения морали чаще всего может представлять собой оценку с просьбой выполнения определённых действий (сопровожаемую указанием на то, что жизнь адресата не соответствует этой морали):

"Pray, Dorian, pray," he murmured. "What is it that one was taught to say in one's boyhood?" "Lead us not into temptation. Forgive us our sins. Wash away our inequities". Let us say that together. The prayer of your pride has been answered. The prayer of your repentance will be answered also. I worshiped you too much. I am punished for it. You worshipped yourself too much. We are both punished".

Dorian Gray turned slowly around, and looked at him with tear-dimmed eyes. "It's too late, Basil" he faltered.

"It's never too late, Dorian. Let us kneel down and try if we cannot remember a prayer. It isn't there a verse somewhere, Though your sins be as scarlet, yet I will make them as white as snow?" [10: 234].

Участниками рассматриваемой ситуации являются: адресант (носитель суждения о нормативно-должном) и адресат (исполнитель должного). Темой является нормативный способ регуляции поведения людей в обществе.

В другом примере демонстрируется то, как человек пытается простить тех, кто пытался его убить:

"You must say it was an accident. No one's to blame. Promise me that".

"I'll done anything you like", — whispered Mackintosh.

"Good chap. One of the best. They're children. I'm their father. A father doesn't let his children get into trouble if he can help it" [11: 117].

Участниками являются адресанты (носители должного), которые говорят об адресатах (исполнителях) как о людях, совершивших плохой поступок, но которые не участвуют в диалоге непосредственно. Темой диалога является нормативный способ регуляции действий людей в обществе (хотя адресант использует выражение: *They're children. I'm their father*, говоря о том, что туземцы являются его детьми, то есть предполагая нормативный способ регуляции действий людей в семье). Носитель нормы (адресант) для достижения своих целей активизирует определённые черты языка, излагая перед исполнителями (адресатами) необходимое, желательное положение дел в качестве реально выполнимого в будущем. Подразумевая проблемы настоящего, выдвигая требования, он заставляет адресатов пережить пребывание в "идеальном мире" будущего, создаваемого моральным дискурсом. Знание культурных реалий и особенностей поведения во всех вышеуказанных фрагментах, например, представлений о протестантском образе мышления и морали, необходимо при их интерпретации.

Таким образом, концепт "мораль" представляет собой определённое ментальное пространство, которое строится согласно правилам

языка морали. В нём заложены закономерности регулирования поведения человека во всех сферах общественной жизни, его важнейшими компонентами являются нормы, принципы, традиции и предписания. В целях создания более полной картины описываемого явления в дальнейшем необходимо продолжить лингвистические изыскания как общетеоретического характера, так и поуровневого, касающегося морально-этического аспекта функционирования различных языковых единиц как способов выражения концепта "мораль" и специфики их реализации в системе морального дискурса. Следует отметить, что подробное изучение рассматриваемого явления должно способствовать более достоверному представлению о культуре и более корректному обращению с языковыми данными, не говоря уже о его значимости для сохранения моральных общечеловеческих основ, стабильность которых является залогом адекватной коммуникации представителей разных народов и сообществ, социальных классов, профессиональных объединений, а также корректной интерпретации мирового культурно-исторического наследия.

Литература

1. Красных В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // *Известия РАН. Сер. Лит-ры и языка*. — 1993. — Т. 52. — № 1. — С. 3-10.
3. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология. — Киев: Фитосоциоцентр, 2000. — 248 с.
4. Слышкин Г. Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
7. Bain R Our Culture// *Sociology and Social Research*. — New York: Hill Wang, 1965. — P. 56-70.
8. De Vos G. *Ethnic Pluralism: Conflict and Accomodation // Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change* — Chicago, London: Word, 1982. — P. 5-41.
9. Galsworthy J. *End of the Chapter*. — М.: Foreign languages publishing house, 1960. — 601 p.
10. Maugham S. *Rain and other short stories*. — Moscow: Progress Publishers, 1977. — 407p.
11. Wilde O. *The Picture of Dorian Gray*. — London: Penguin Popular Classics, 1994. — 255p.